

Т. В. Надозирная

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

**Набоковский интертекст
в дилогии В. Пелевина о вампирах
как ключ к решению проблемы власти языка**

Надозирная Т. В. Набоковский интертекст в дилогии про вампиров у романах В. Пелевина как ключ до вирішення проблеми влади мови. У статті досліджується набоковський інтертекст у романах В. Пелевіна «Empire V» та «Batman Apollo». Як показав аналіз, ці твори містять прямі та приховані відсилання до творчості Набокова в цілому і його особи зокрема. Найбільш очевидними виявляються переклички з романом «Подвиг». Співвідношення «Empire V» та «Бэтман Apollo» з «Подвигом» Набокова та його метароманом в цілому дозволяє з'ясувати специфіку пелевінського рішення деяких важливих аспектів проблеми влади мови та письменника-деміурга.

Ключові слова: *набоковський інтертекст, мова, влада, деміург.*

Надозирная Т. В. Набоковский интертекст в дилогии В. Пелевина о вампирах как ключ к решению проблемы власти языка. В статье исследуется набоковский интертекст в романах В. Пелевина «Empire V» и «Batman Apollo». Как показал анализ, эти произведения содержат прямые и скрытые отсылки к творчеству Набокова в целом и его личности в частности. Наиболее очевидными и существенными оказываются переклички с романом «Подвиг». Соотнесение «Empire V» и «Бэтман Apollo» с «Подвигом» Набокова и его метароманом в целом позволяет прояснить позицию Пелевина относительно некоторых важных аспектов проблемы власти языка и писателя-демиурга.

Ключевые слова: *набоковский интертекст, язык, власть, демиург.*

Nadozirnaya T. V. Nabokov's intertext in the dilogy about vampires by V. Pelevin as a key to the decision of problem of the language power. In the article Nabokov's intertext of novels «Empire V» and «Batman Apollo» by V. Pelevin is explored. Analysis shows that these novels contain a direct and indirect references to Nabokov's creation in general and to Nabokov as person in particular. The most obvious parallels are with «The Feat» novel. Comparison «Empire V», «Batman Apollo» by Pelevin and «The Feat» by Nabokov in particular and meta-novel of Nabokov in general allows to clarify Pelevin's position about some important aspects of the language power and writer-demiurge.

Keywords: *Nabokov intertext, language, power, demiurge.*

Среди писателей, оказавших влияние на творческое становление Пелевина, по мнению ученых, далеко не последнее место занимает В. Набоков. При этом декларирование общности художественно-эстетических систем писателей, как правило, носит характер попутного замечания, не разворачивающегося в дальнейший анализ [5; 8 и др.]. Между тем, представляется, что именно набоковский интертекст может быть ключом к осмыслению одной из центральных проблем творчества Пелевина — освобождения от власти языка и обретения подлинного бытия, что и определяет актуальность данного исследования.

Как показывает анализ, многие произведения писателя содержат прямые и скрытые отсылки к творчеству Набокова и его личности. Набоковский интертекст разнообразно проявляется во всех романах Пелевина — от обращения к фактам биографии писателя до

варьирования типов героев, сюжетов и мотивно-ситуационных цитат из его произведений. Так, рифмуются финалы «Жизни насекомых» (1993) и «Под знаком незаконнорожденных» (1947). В «Чапаеве и Пустоте» (1996) упоминается отец Набокова, а о творчестве самого писателя рассуждает главврач психиатрической больницы Тимур Тимурович. Особо отметим, что в центре его внимания оказывается тема детства как потерянного рая. Ведь, по мнению В. Ерофеева, именно прафабула, связанная со стремлением вернуть потерянный рай, определяет специфику метапрозы писателя [7].

К набоковскому творчеству отсылают и паратекстуальные элементы романов Пелевина. Так, эпиграф «Приглашения на казнь» (1936) принадлежит некоему Делаланду, выдуманному самим же Набоковым, в свою очередь, роман «Чапаев и Пустота» (1996) также

открывается квазиэпиграфом, сочиненным Пелевиным, но приписанным Чингиз-хану (заимствование приема). Эпиграф «Священной книги оборотня» (2004), представляющий собой прямую цитату из «Лолиты», инициирует восприятие романа как перифраза набоковского бестселлера, а специфическая внешность главной героини заставляет вспомнить о нимфетке русско-американского классика. Наконец, сама А Хули является поклонницей творчества Набокова и, возможно, даже была с ним знакома лично. Не случайно лиса выбирает себе в качестве псевдонима имя Адель (Ада), отсылающее к еще одному произведению классика («Ада», 1969).

Вполне очевидны аллюзии к Набокову в романе «S.N.U.F.F.» (2011) — как на уровне структурной цитации (бегство Каи от Дамилолы соотносится с бегством Лолиты от Гумберта Гумберта), так и разнообразных проявлений стилевой преемственности. Гумберт Гумберт говорит о своей возлюбленной: «Лолита, свет моей жизни, огонь моих чресел. Грех мой, душа моя» [11:17]. Ироничный перифраз этого хрестоматийно известного высказывания вкладывается в уста Дамилолы: «Кая — это цветок моей жизни, моя главная инвестиция, свет моего сердца, счастье моих ночей и еще много-много лет выплат по кредиту» [16:51].

Как представляется, набоковский интертекст особенно значим в романах о вампирах — «Empire V» (2006) и «Бэтман Apollo» (2013). Концептуальная и сюжетно-образная общность этих текстов позволяет говорить о них как о диалогии, в рамках которой ставятся важнейшие для творчества писателя проблемы. Внешний сюжет диалогии образует история взросления молодого вампира Рамы на фоне событий российского протестного движения 2011–2013 годов. Именно последнее и привлекает основное внимание ученых [2; 3 и др.]. Однако, как мы показали, не менее значимой для романов оказывается такая деконструкция кода массовой литературы, которая позволила автору поставить проблему власти языка [13]. При этом возможность освобождения от его власти осмысливается Пелевиным в рамках буддистского кода. Поэтому не отменяющим сказанного, а дополняющим его, может быть рассмотрение набоковского кода как ключа к пелевинскому решению проблемы мира, «сделанного из слов».

В этой связи наиболее очевидными и существенными оказываются межтекстовые переключки с романом Набокова «Подвиг» (1932). На первых же страницах романа

«Empire V» Пелевин начинает активную игру с паронимами и анаграммами: главный герой превращается из Ромы в Раму, что, в свою очередь, созвучно имени главного персонажа «Подвига». При созвучии имен Мартына и Рамы, «цветочная» фамилия первого (Эдельвейс) резко контрастирует с прозаической фамилией второго (Шторкин). Хотя происхождение Ромы-Рамы, как и Мартына, вполне аристократично — его отец из рода прибалтийских баронов фон Шторквинкель — смена фамилии, связанная с «социальной маскировкой времен военного коммунизма» [14:19], задает «прозаический» тон всей судьбе героя. Если герой Набокова вырос в состоятельной дворянской семье, а его детство было лишь несколько омрачено разводом родителей (что, впрочем, вполне компенсировалось нежнейшей любовью матери), то Рому воспитала нервная озлобленная женщина, а отца он вовсе не знал. В то время как Мартын наслаждался всеми удовольствиями студенческой жизни, изучая филологию в одном из самых дорогих и престижных университетов мира, Рома вынужден был работать грузчиком и т.д. Подобное нарочитое перекодирование провоцирует не столько противопоставление романов, сколько восприятие истории пелевинского героя как современной истории героя «Подвига». При этом узловые моменты и вектор становления обоих героев совпадают.

Самоопределение персонажей происходит в глубоком детстве, а их взросление лишь затемняет вполне ясное представление об истине, которым они обладали. Интуитивно ощущая это, герои стремятся вернуть его. «Потерянный рай» Мартына прочно ассоциируется с детством [7], в частности, с акварелью, изображающей густой лес и уходящую вглубь витую тропинку. Еще в детстве ему хотелось перебраться в картину и в финале романа, по-видимому, удалось сделать это. С картинами связано представление о «рае» и у Рамы: в детстве изображения лимонного и апельсинового дерева, висевшие справа от кровати, казались ему воротами в «волшебный и таинственный мир». Его исчезновение очень точно прокомментировал Митра, получивший доступ к сознанию героя: «Волшебный мир, где ты жил раньше, придумывал прятаявшийся в траве кузнечик. А потом пришла лягушка, которая его съела. И тебе сразу негде стало жить, хотя в твоей комнате все осталось по-прежнему» [14:9].

Прямо же над кроватью маленького Ромы висел огромный плетеный веер в форме

сердца, напоминавший мальчику гигантскую летучую мышь с маленькой головкой. Ему казалось, что это летающая собака-вампир, которая оживает по ночам и пьет его кровь. Надо сказать, что в детстве герою удалось справиться с кровососом: он приклеил веер к стене. Поскольку гигантская летучая мышь с маленькой головкой — это очень прозрачная отсылка к Великой мыши, создавшей мир, полный боли и страдания, то поступок маленького мальчика представляется особенно показательным. Он, конечно же, не сумел вырваться из плена неподлинного бытия, однако, как и Мартын, поразительно точно угадал путь, по которому следует идти.

Еще одной чертой, роднящей обоих героев, является их сознание себя как русских. Избранничество Мартына базируется на восприятии себя как части России [7]. Герой «Empire V» о любви к родине заявляет на первых же страницах романа. Более того, подвиг обоих героев («Подвиг» — название не только романа Набокова, но и последней главы пелевинского романа) связан как раз с протестом против утраты родины, воплощавшей рай. Мартынов рай разрушила революция, и именно поэтому так важно для героя нелегальное пересечение границы — жест личный, внеисторичный и вневременной, хотя внешне в точности повторяющий подвиги политических авантюристов вроде Грузинова. Поступок Рама, воспринимаемый окружающими как социальный протест, тоже «глубоко интимный и личный» [15:458]. По степени внешней бессмысленности «подвиги» героев достойны друг друга, но важна их внутренняя, скрытая от непосвященных, суть. Мартын, преодолев страх, «уходит в картину»: отправляется по тропке, ведущей в чащу, и тем самым обретает потерянный рай. Побеждает страх и пелевинский герой и, по-видимому, также обретает свой рай, потому что последнее, что он произносит: «Тут, впрочем, слова начинают подводить. Но мне они больше не нужны» [15:486].

Мотив ненужности слов приобретает особую значимость, если учитывать, что проблема невозможности постижения истины с помощью слов является в диалогии одной из центральных [13]. Здесь писатель излагает идею власти языка максимально доступно, представив язык бессмертной живой субстанцией высшей природы, способной существовать только в симбиозе с человеком. На сюжетном уровне проблема освобождения от тотальной власти языка решается в рамках буддистского кода [13]. В имплицитной плос-

кости, не имеющей прямого отношения к истории вампира Рама, развивается еще одна сюжетная линия, связанная с наличием в романах мощного набоковского интертекста.

Кроме многочисленных аллюзий на «Подвиг» и другие романы Набокова, в «Empire V» и «Бэтман Apollo» есть прямые упоминания имени писателя и его произведений. В самом начале вампирской карьеры Рама, знакомясь со своим новым жилищем, обращает внимание на две картины: «На стене висели две картины с обнаженной натурой. На первой в кресле сидела голая девочка лет двенадцати. Ее немного портило то, что у нее была голова немолодого лысого Набокова; соединительный шов в районе шеи был скрыт галстуком-бабочкой в строгий буржуазный горошек. Картина называлась “Лолита”. Вторая картина изображала примерно такую же девочку, только ее кожа была очень белой, а сисечек у нее не было совсем. На этой картине лицо Набокова было совсем старым и дряблым, а маскировочный галстук-бабочка на соединительном шве был несурово большим и пестрым, в каких-то кометах, петухах и географических символах. Эта картина называлась “Ада”» [14:42].

Как представляется, эти две картины сопоставимы по значимости с двумя другими, изображавшими апельсиновое и лимонное дерево. Но если те были воротами в «волшебный и таинственный мир» для Рама, то эти предназначены для читателя. Ведь Рама, обнаруживший полное невежество относительно творчества Набокова в начале романа, по-видимому, не восполняет свои знания в этой области до его конца. Упоминание о картинах, на которых изображен Набоков, вместе с еще одной, появляются в первых же строках «Empire V». Правда, герой не обращает на них особого внимания, вскользь отмечая как «два полотна с обнаженной натурой» [14:5]. Зато он задерживает внимание на маленькой картине с конным Наполеоном. Впоследствии, объясняя новоявленному вампиру, что такое язык и в каких отношениях он находится с вампиром, учителя Рама в качестве примера будут приводить всадника и лошадь: «Язык бессмертен и переходит от одного вампира к другому — вернее, пересаживается с одного человека на другого, как всадник. Но он способен существовать только в симбиозе с телом человеком. Вот, гляди! Митра указал на картину с конным Наполеоном» [14:34]. Такое соположение картин представляется не случайным. Если маленькое изображение Наполеона на лошади сим-

волизирует тщетность попыток вырваться из мира, «сделанного из слов», то изображения Набокова, «оседлавшего» своих бессмертных героев, свидетельствует о возможности победить власть языка. Ведь в связи с «Лолитой» Набоков говорил, что для него «истинный смысл книги заключается в том, что речь идет о взаимоотношениях автора и английского языка. Мне важно было подчинить язык самым невероятным требованиям» (курсив мой — Т.Н.) [1:152–153]. Таким образом, в романе Пелевина Набоков выступает как писатель, подчинивший себе язык и преодолевший его диктат. Однако остановиться на этом не позволяет довольно любопытная параллель: картины «Лолита» и «Ада», украшающие жилище Рамы и вводящие тему Набокова, соотносят великого классика с Великой Мышью и ее сменными головами. Это сравнение актуализирует проблему демиургии, которая, как представляется, решена Набоковым и Пелевиным кардинально различными способами.

В большинстве романов Набокова персонаж-творец противопоставлен марионеточным образам других персонажей и выступает в качестве Alter-ego самого писателя. Автор, в свою очередь, представляет собой антропоморфное всемогущее существо, создающее вымышленные миры [10]. Однако в последних романах писателя, в частности, в «Бледном огне», разработка мотива демиургического «я» претерпевает значительные изменения, реализуясь в пародийной по отношению к русскому метароману форме. Кроме того, здесь предлагается сложная литературная игра, цель которой — выявление истинного демиурга [4; 6]. При этом обнаружение однозначного ответа не предполагается. Тем не менее, как показали исследователи, набоковские тексты демонстрируют разные формы диалога писателя с хаосом, поскольку только искусство представляет собой единственную альтернативу неподлинному бытию [9].

В творчестве же Пелевина задана совершенно другая система координат. В последних романах автор все более настойчиво подчеркивает, что диалог с хаосом невозможен

даже как попытка его упорядочивания. Поэтому искусство как форма сознательной деятельности не противостоит хаосу, а интенсифицирует его. Наиболее подробно демиургическая тема разработана в «Т». Актуализируя сквозные для своего творчества мотивы иллюзорности, фикциональности и виртуализации реальности, Пелевин в фокус внимания помещает авторефлексию над процессом создания произведения. При этом, как и в «Бледном огне», читателю предлагается обнаружить истинного демиурга. Однако, если в набоковском романе имя подлинного творца «мерцает» в многочисленных анаграммах [6], то в «Т» осмеяна сама возможность существования всемогущего демиурга и акцентирована принципиальная невозможность проявления свободной воли в мире, сделанном из слов.

Тема власти слова получает развитие в «вампиурской» диалогии писателя. Как представляется, ее последовательное сопоставление с «Подвигом» подчеркивает разнонаправленность писательских стратегий Набокова и Пелевина. Выбор последним «Подвига» в качестве стержневого претекста представляется весьма значимым. Здесь набоковская игра достигает особой виртуозности: основную часть романа занимает жизнеподобное повествование, создается чрезвычайно яркий, зримый, красочный мир, побудивший исследователей отнести «Подвиг» к «миметической» группе текстов [10]. Между тем этот роман допускает иной ракурс рассмотрения, при котором тщательно воссозданная реальность оказывается лишь сном героя между двумя картинами, в которых происходит подлинное бытие. Сложность же дешифровки диалогии Пелевина определяется не только мнимой установкой на мимесис, но и самой структурой текста, которая является пародией на популярные произведения о вампирах. Система мотивов метаромана Набокова, внедренная в метароман Пелевина, позволяет читателю обнаружить основной сюжет произведения, развивающийся в имплицитной плоскости и представляющий собой спор с набоковским представлением о писателе как всемогущем демиурге.

Литература

1. Арбазино А. Владимир Набоков: Воспоминания / А. Арбазино [пер. с итал. Ч. Пило, Ю. Чубарова] // Владимир Набоков: Pro et contra (материалы и исследования о жизни и творчестве В. В. Набокова) : Антология. В 2-х т. Т. 2. — СПб. : Русский Христианский гуманитарный институт, 2001. — С. 151–156.
2. Архангельский А. Бэтман около ноля [Электронный ресурс] / Андрей Архангельский. — Режим доступа : <http://www.kommersant.ru/doc/2150720-1>
3. Берг М. Пелевин как Радзиховский [Электронный ресурс] / Михаил Берг. — Режим доступа : <http://www.ej.ru/?a=note&id=12794-3>

4. Бойд Б. Владимир Набоков: Американские годы / Брайан Бойд ; [пер. с англ. М. Бирдвуд-Хеджер, А. Глебовской, Т. Изотовой, С. Ильина]. — СПб. : Симпозиум, 2010. — 950 с.
5. Данилов А. Пятое колесо / А. Данилов // Знамя. — 2004. — № 3. — С. 218–220.
6. Джонсон Д. Миры и антимирy Владимира Набокова / Джон Бартон Джонсон ; [пер. с англ. Т. Стрелковой]. — СПб. : Симпозиум, 2011. — 352 с.
7. Ерофеев В. В поисках потерянного рая (русский метароман Набокова) [Электронный ресурс] / Ерофеев Виктор. — Режим доступа : <http://gua.convdocs.org/docs/2721/index-150896.html?page=2>
8. Каспэ И. Низкий обман, или Высокая реальность [Электронный ресурс] / Каспэ Ирина. — Режим доступа : <http://magazines.guss.ru/nlo/2005/71/ka22-pr.html>
9. Лейдерман Н. Взгляд с другого берега: «Лолита» Владимира Набокова / Н. Лейдерман, М. Липовецкий // Современная русская литература. В 3-х кн. Кн. 1: Литература «Оттепели» (1953–1968). — М. : Эдиториал УРСС, 2001. — С. 52–58.
10. Медарич М. Владимир Набоков и роман XX столетия / Магдалена Медарич // Владимир Набоков: Pro et contra (личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей) : Антология. В 2-х т. Т. 2. — СПб. : РХГИ, 1997. — С. 454–475.
11. Набоков В. Лолита / Владимир Набоков // Американский период. Собрание сочинений в 5 т. ; [пер. с англ., сост. С. Ильина, А. Кононова, коммент. А. Люксембурга]. Т. 2. — СПб. : Симпозиум, 2008. — С. 8–390.
12. Набоков В. Подвиг / Владимир Набоков // Русский период. Собрание сочинений в 5 томах ; [сост. Н. Артеменко-Толстой, предисл. А. Долинина, прим. О. Сконечной, А. Долинина, Г. Утгофа, А. Яновского, У. Левинга, М. Маликовой, Р. Тименчика]. Т. 3. — СПб. : Симпозиум, 2006. — С. 94–249.
13. Надозирная Т. Деконструкция кода массовой культуры в «Empire V» и «Batman Apollo» В. Пелевина / Надозирная Т. В. // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды : научно-методический журнал. — Харьков, 2014. — № 1–2 (51). — С. 130–135.
14. Пелевин В. Амфир V / Виктор Пелевин. — М. : Эксмо, 2006. — 416 с.
15. Пелевин В. Бэтман Apollo / Виктор Пелевин. — М. : Эксмо, 2013. — 512 с.
16. Пелевин В. S.N.U.F.F. / Виктор Пелевин. — М. : Эксмо, 2012. — 480 с.